

А. Н. НИКОЛАЕВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗОДЧЕСТВА В СТАМБУЛЕ

Стамбул до настоящего времени остается крупнейшим средоточием памятников византийской архитектуры, фресковой живописи и мозаики. Не впадая в особое преувеличение, можно сказать, что на каждой улице и в каждом квартале собственно Стамбула¹ сохраняется какой-нибудь памятник византийской материальной культуры. Согласно специальному путеводителю, изданному в 1951 г. для участников XXII Международного конгресса ориенталистов, в настоящее время в Стамбуле имеется около 60 крупнейших древних византийских сооружений и памятников, построенных за период с IV по XV в. Часть из них представляет собою уже развалины или полуразвалины, остальные же, преимущественно древние византийские церкви, превращенные в мечети, неоднократно, впрочем, ремонтировавшиеся и перестраивавшиеся, находятся в сравнительно удовлетворительном состоянии. Они и сейчас еще сочетают гармоничность и изящество архитектурных форм со смелостью инженерных решений и исключительной прочностью построек. При этом некоторые из них уже пережили свой тысячелетний юбилей.

В это число не входят грандиозные крепостные сооружения, треугольные в плане, окружавшие всю территорию древнего Константинополя; они и сейчас еще производят впечатление и своими масштабами и своей весьма своеобразной, монументальной архитектуроникой.

Еще большее количество памятников было погребено в недрах позднейших наслоений, разрушено при перепланировках города, а порой и просто разобрано по приказам различных султанов и визирей для построек бесчисленных мечетей, медресе, тюрбе² и других зданий. Обо всем этом можно лишь догадываться на основании свидетельств сохранившихся византийских письменных источников, ибо археологически Стамбул исследован до сих пор очень слабо, византийские памятники его плохо охраняются и по сей день уничтожаются без всякого их научного обследования, во время возведения новых построек и подземных сооружений коммунально-бытового характера.

Несмотря на обилие и разбросанность памятников византийского зодчества в Стамбуле, можно наметить несколько районов их наибольшего

¹ В современном Стамбуле это название принадлежит лишь «старому городу», — древнему Константинополю, в отличие от новых кварталов — европейского (Бейоглу) и азиатского — (Уксюдар).

² Тюрбе — мавзолей, в котором хранились останки султанов, членов их семей, представителей высшего духовенства, мусульманских «святых» и т. п.

сосредоточения. Разумеется, что такое районирование весьма и весьма условно.

Первое место среди них, бесспорно, принадлежит району древнего византийского Ипподрома с примыкающими к нему развалинами бывших дворцов — Большого императорского, Магнаврского и Буколеона, церквями св. Софии, св. Ирины, свв. Сергия и Вакха и св. Анастасии, четырьмя подземными цистернами и большой территорией к северо-западу от площади Ат Мейдан.

Второй район охватывает треугольник, образуемый древней византийской крепостной стеной между воротами Керкопорт, у северной оконечности сухопутных стен, и парходной пристанью Балат, расположенной в северной части прибрежных стен, тянущихся вдоль Золотого Рога. В этом треугольнике расположены плохо сохранившиеся следы бывшей императорской резиденции — Влахернского дворца и дворец Константина Порфирородного. Поблизости расположены также церкви Спасителя на Хоре (Кахриэ джами) и Паммакарistos (Фетхия джами).

Третий район расположен неподалеку от акведука императора Валента, в непосредственной близости от которого сохранились остатки древних византийских стен; здесь же находятся древние византийские церкви Пантократора (Зейрек джами), св. Феодосии (Гюль джами) и др.

Четвертый район примыкает к Семибашенному замку (Иеди куле) с Золотыми воротами, находящемуся в юго-западном углу византийской крепостной стены, на побережье Мраморного моря; вблизи от замка расположена древняя византийская базилика Иоанна Студита.

И, наконец, пятый район составляют древние византийские стены — сухопутные и прибрежные, — на всем их протяжении являющиеся в своей совокупности интересным памятником византийской крепостной техники и архитектуры.

Данный очерк не претендует на то, чтобы дать всестороннюю исчерпывающую характеристику всех перечисленных выше замечательных памятников византийской архитектуры. Автор ставит перед собой гораздо более ограниченную задачу — дать краткий очерк современного состояния указанных памятников византийского зодчества.

Наибольший интерес, со всех точек зрения — исторической, искусствоведческой и археологической, — несомненно, представляет собою район древнего Ипподрома. В северо-восточной его части расположен грандиозный архитектурный ансамбль св. Софии и св. Ирины. На самой площади Ат Мейдан, являющейся частью византийского Ипподрома, высятся обелиски Тутмоса III, Константина Порфирородного и Змеиная колонна. К северо-западу от площади находятся несколько подземных византийских цистерн-водохранилищ и строительная площадка «дома юстиции»¹, являющаяся, как это выяснилось при рытье котлована под фундамент, археологическим районом огромной ценности. К юго-западу от площади Ат Мейдан, на берегу Мраморного моря, расположена древняя византийская церковь свв. Сергия и Вакха, которая, из-за сходства своего архитектурного плана с планом св. Софии, называется Малой св. Софией (Кючук Айя София). Вся территория, расположенная к югу и юго-востоку от Ипподрома, начиная от церкви свв. Сергия и Вакха, вдоль побережья Мраморного моря до св. Софии, представляет собою руины грандиозного

¹ В монографии E. Mamboury, Th. Wiegand. Kaiserpalast von Konstantinopel. Berlin—Leipzig, 1934, на табл. II, являющейся аэрофотоснимком района Ипподрома, эта территория еще представлена застроенной рядом зданий. В последующее время она сильно пострадала от пожара и в настоящий момент представляет собою большой пустырь, часть которого занята строительной площадкой «дома юстиции».

дворцового комплекса (Большой императорский дворец, дворец Буколеон и Магнаврский дворец), часть которого находится на поверхности земли, а часть уже погребена под новыми наслоениями почвы и позднейшими постройками.

Однако степень изученности всех этих памятников византийского зодчества и искусства находится в большом противоречии с их ценностью и значением.

Основной недостаток, присущий старым исследованиям в этой области (работы Ж. Лабарта, А. Паспатиса, А. Ван Миллингена, К. Гурлитта, Ш. Диля), — слабое археологическое исследование памятников и использование противоречивых и неполных письменных свидетельств в качестве основного источника — сохраняется и в новейших исследованиях. Правда, за последние 35 лет в области археологического исследования важнейших памятников византийского зодчества в Стамбуле имеются некоторые сдвиги. Т. Вигандом и Е. Мамбури были обследованы в 1918 г. некоторые сооружения, входившие в комплекс Большого дворца и Ипподрома. В 1927 г. С. Кассоном и Тальботом Райс были произведены раскопки ограниченного масштаба на Ипподроме. В 30-х годах были проведены работы по археологическому исследованию Золотых ворот. В 1935—1938 гг. Рассел и Бакстер провели археологические исследования Большого императорского дворца на участке южнее мечети султана Ахмета¹. Кое-что сделано в 1932—1938 гг. и в отношении расчистки древних византийских мозаик св. Софии².

Однако все это лишь первые шаги на пути к действительно широкому и всестороннему археологическому исследованию византийских памятников Стамбула. Об этом говорят и сами исследователи. В предисловии к своей работе Т. Виганд отмечает, что добытые им и Е. Мамбури сведения могут служить лишь введением, отправным пунктом для детального археологического исследования Большого дворца и Ипподрома³. Р. Жанен весьма скептически оценивает поспешные и слабо обоснованные выводы С. Кассона и Тальбота Райс относительно структуры Ипподрома и полемизирует с ними, — впрочем, и сам автор опирается лишь на свидетельства византийских писателей⁴. Издатель книги Ж. Эберсольт в предисловии отмечает, что этот исследователь пользовался исключительно свидетельствами византийских авторов, дополняя их наблюдениями, «которые не требовали раскопок»⁵.

При этом всем указанным работам присущи те черты, которые свойственны современной буржуазной историографии и искусствоведению: уход от постановки социальных проблем, проповедь космополитизма, филиации идей, миграции культур, а порой и откровенного религиозного мракобесия, пропаганде которого особенно усердно служит упомянутая книга Ж. Эберсольта.

Таким образом, накопленные до настоящего времени сведения и сделанные выводы не могут считаться последним словом научной археологии и искусствоведения.

Чтобы получить исчерпывающие результаты, необходимо произвести скрупулезные археологические исследования огромного масштаба.

¹ См. R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1950, p. 107, 108, 253.

² См. Th. Whittemore. The mosaics of St. Sophia at Istanbul, vol. I—II, Paris, 1933—1936; vol. III, Boston, 1943.

³ E. Mamboury, Th. Wiegand. Op. cit., ss. V—VI.

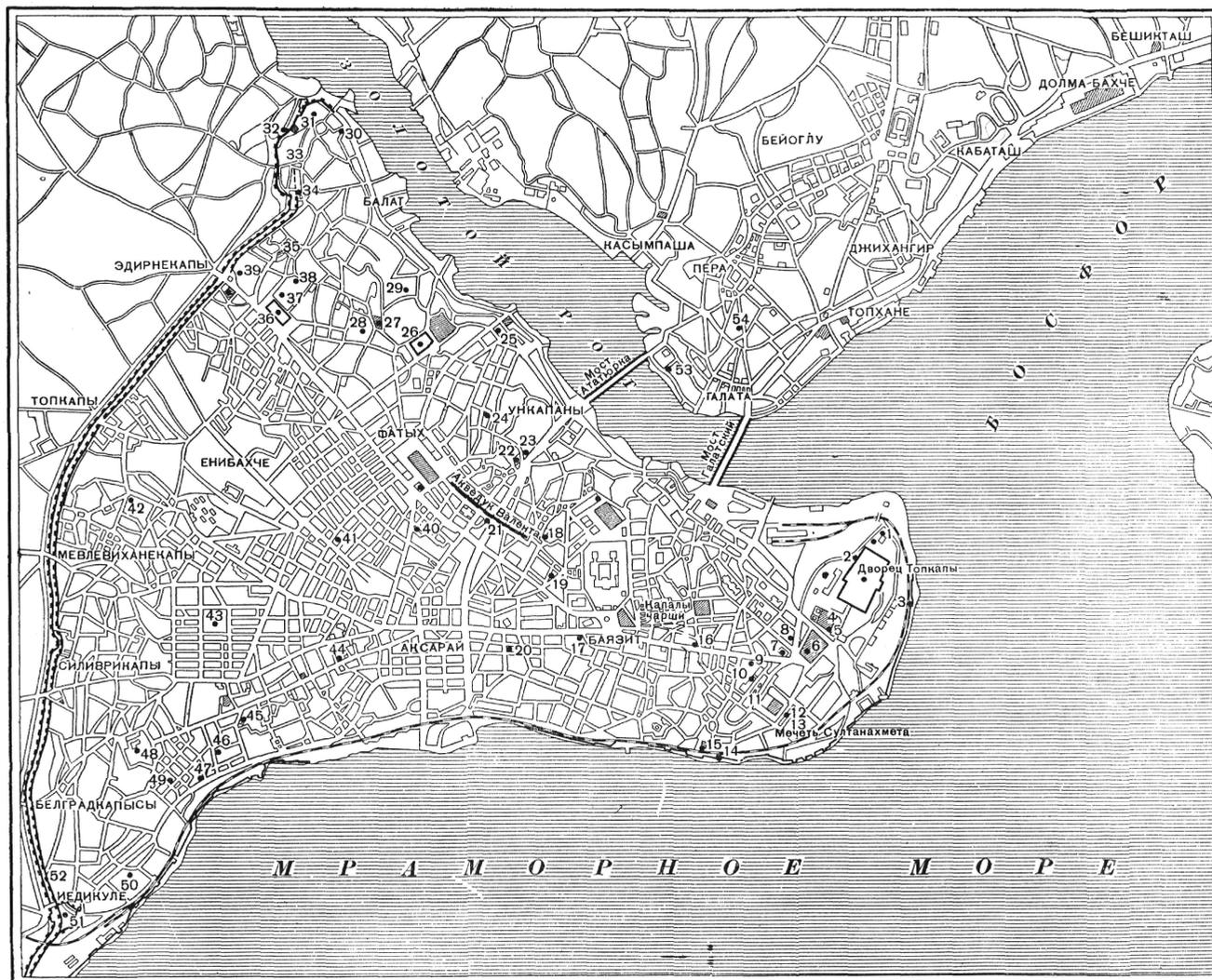
⁴ R. Janin. Op. cit., p. 180.

⁵ J. Ebersolt. Constantinople. Paris, 1950.

Схематический план расположения памятников византийского зодчества в Стамбуле (за основу приложенный к специальному путеводителю для членов XXII международного конгресса восто

1. Готская колонна
2. Византийская цистерна
3. Развалины Манганаона
4. Церковь св. Ирины
5. Византийская цистерна
6. Церковь св. Софии
7. Цистерна Юстиниана (Иере-Батаи)
8. Развалины церкви Халкопратия (мечеть Лаа Хайреддина)
9. Византийская цистерна „1001 колонны“ (Бия-бир-дерех)
10. Раскопки на площади Ипподрома
11. Ипподром с обелисками Тутмоса III, Константина Порфирородного и Змеиной колонной
12. Раскопки на Арасте
13. Развалины Большого дворца
14. Развалины дворца Буклеон
15. Церковь свв. Сергия и Вакха (мечеть Кючук Айя София)
16. Колонна Константина Великого (Ченберлиташ)
17. Триумфальная арка Феодосия I (Сямкешхане)
18. Церковь св. Федора (мечеть Молла-Гюрани)
19. Церковь Акалшотс? (мечеть Календерхане)
20. Церковь монастыря Мирелайон (мечеть Бодрум Мезих-паша)
21. Акведук императора Валента
22. Церковь монастыря Пантократор (мечеть Зейрек Киласе джами)
23. Византийская цистерна
24. Церковь монастыря Пантеопт (мечеть Эски Имарет)
25. Церковь св. Феодосия (мечеть Гюль джами)
26. Открытая византийская цистерна Аспар
27. Церковь монастыря Паммакарисотс (мечеть Фетхия джами)
28. Древняя византийская церковь (мечеть Хирами Ахмед паша)
29. Церковь св. Марии Молиотиссы
30. Древняя византийская церковь (мечеть паша)
31. Древняя византийская часовня (мечеть Деде)
32. Башня Анемы
33. Влазерский дворец
34. Дворец Константина Порфирородного (Текфу)
35. Церковь Спасителя на Хоре (мечеть Кахрие)
36. Открытая византийская цистерна
37. Древняя византийская церковь (мечеть Одал паша).
38. Часть древнего византийского монастыря (м)
39. Церковь св. Георгия
40. Колонна императора Марциана (Кыз Таш)
41. Церковь монастыря Липс (мечеть Фенари Ис)
42. Древняя византийская часовня (мечеть Муст)
43. Открытая византийская цистерна
44. Колонна императора Аркадия
45. Развалины древней византийской часовни (ме су или Ибрагим паша)
46. Развалины древней византийской часовни (м дар Хайреддина)
47. Мартирум свв. Карпа и Паппа
48. Церковь св. Андрея (мечеть Каджа Мустафа)
49. Монастырь св. Марии Перивленты (Сулу Ма)
50. Церковь монастыря Студита (мечеть Имр)
51. Семибашенный замок (Иеди-Куле)
52. Стены Феодосия II
53. Стены Галаты
54. Галатская башня

Схематический план расположения памятников византийского зодчества в Стамбуле (за основу взят план, приложенный к специальному путеводителю для членов XXII международного конгресса востоковедов).

1. Готская колонна	29. Церковь св. Марии Молютиссис
2. Византийская цистерна	30. Древняя византийская церковь (мечеть Атык Мустафа паша)
3. Развалины Манганоа	31. Древняя византийская часовня (мечеть Токлу Ибрагим Деде)
4. Церковь св. Ирины	32. Башня Анемы
5. Византийская цистерна	33. Влахернский дворец
6. Церковь св. Софии	34. Дворец Константина Порфирородного (Текфур Серай)
7. Цистерна Юстиниана (Иере-Батан)	35. Церковь Спасителя на Хоре (мечеть Кахрие джами)
8. Развалины церкви Халкопратия (мечеть Лала Хайреддина)	36. Открытая византийская цистерна
9. Византийская цистерна „1001 колонн“ (Бин-бир-дерек)	37. Древняя византийская церковь (мечеть Одалар или Мустафа паша).
10. Раскопки на площади Ипподрома	38. Часть древнего византийского монастыря (мечеть Кефели)
11. Ипподром с обелисками Тутмоса III, Константина Порфирородного и Змеиной колонной	39. Церковь св. Георгия
12. Раскопки на Арасте	40. Колонна императора Марциана (Кыз Таши)
13. Развалины Большого дворца	41. Церковь монастыря Липс (мечеть Фенари Иса)
14. Развалины дворца Буколеон	42. Древняя византийская часовня (мечеть Мустафа Джавуш
15. Церковь свв. Сергия и Вакха (мечеть Кючук Айя София)	43. Открытая византийская цистерна
16. Колонна Константина Великого (Ченберлиташ)	44. Колонна императора Аркадия
17. Триумфальная арка Феодосия I (Симкешхане)	45. Развалины древней византийской часовни (мечеть Иса Капу-су или Ибрагим паша)
18. Церковь св. Федора (мечеть Молла-Гюрани)	46. Развалины древней византийской часовни (мечеть Санджак-дар Хайреддина)
19. Церковь Акалитос? (мечеть Календерхане)	47. Мартириум свв. Карпа и Папила
20. Церковь монастыря Мирелайон (мечеть Бодрум Мезих-паша)	48. Церковь св. Андрея (мечеть Каджа Мустафа-паша)
21. Ахведук императора Валента	49. Монастырь св. Марии Перивленты (Сулу Манастир)
22. Церковь монастыря Пантократор (мечеть Зейрек Килисе джами)	50. Церковь монастыря Студита (мечеть Имрахор Илиасбей)
23. Византийская цистерна	51. Семибашенный замок (Иеди-Куле)
24. Церковь монастыря Пантеопт (мечеть Эски Имарет)	52. Стены Феодосия II
25. Церковь св. Феодосия (мечеть Гюль джами)	53. Стены Галаты
26. Открытая византийская цистерна Аспар	54. Галатская башня
27. Церковь монастыря Паммакариснос (мечеть Фетхие джами)	
28. Древняя византийская церковь (мечеть Хирами Ахмед паша)	

дворц
и Ма
а час
постр
О,
чества
значе
О,
(рабо
Ш. Д
зован
основ
за по
памят
сдвиг
рые с
В 192
ничен
по ар
сел и
ского
в 193
св. С
О,
кому
мятни
вии к
сведе
ного
Р. Ж.
вывод
и пол
тельс:
дисло
свиде
рые г
Пф
ствени
уход
лиащи
мрако
книга
Та
ланнь
гни и
Ч,
скруц.

¹ (

² См. Th. Whittemore. The mosaics of St. Sophia at Istanbul, vol. I—II, Paris, 1933—1936; vol. III, Boston, 1943.

³ E. Mamboury, Th. Wiegand. Op. cit., ss. V—VI.

⁴ R. Janin. Op. cit., p. 180.

⁵ J. Ebersolt. Constantinople. Paris, 1950.

Однако в условиях существующего политического режима в Турции не может быть и речи о чем-либо подобном. Господствующие классы современной Турции менее всего заинтересованы в том, чтобы проводить подлинно научное исследование историк византийской материальной и духовной культуры. Наоборот, поощряя и раздувая идеи пантюркизма и туранизма, турецкие правящие круги стараются всячески принизить значение и ценность памятников византийской культуры, а их «ученые» угодливо помогают им в этом, объявляя выдающиеся памятники византийского искусства «не имеющими исторической ценности».

Немногие честные турецкие ученые-византинисты, осмеливающиеся противопоставлять официальной точке зрения элементарную научную честность и добросовестность, подвергаются преследованиям, лишены материальной возможности издавать свои труды, вести исследования и рискуют потерять работу. Те же реакционные иностранные «исследовательские институты»¹, которые добивались ранее или добились сейчас прав вести археологические или реставрационные работы в области византиноведения, вели и ведут их в тенденциозном направлении, используя порою добытые материалы для пропаганды фальсификаторских идей.

Немудрено, что в подобных условиях византиноведение в современной Турции влачит жалкое существование, социальная история Византии не разрабатывается совершенно, а исследуются лишь отдельные, узкие, по преимуществу искусствоведческие и археологические темы.

В этой области можно отметить небольшую по объему брошюру турецкого археолога, в то время директора Музея св. Софии, Музаффера Рамазаноглу², изданную в 1946 г.

Основываясь на материалах ограниченных по объему и результатам раскопок, произведенных им на свой счет, страх и риск, Рамазаноглу подвергает критике те исторические планы ансамбля св. Ирины и св. Софии, которые были предложены К. Гурлиттом³ и А. Шнейдером⁴.

Как известно церковь св. Ирины (в ее первоначальном варианте) была построена еще до основания Константином новой столицы Римской империи. Расширенная и украшенная в царствование этого императора церковь св. Ирины была затем объединена с построенной при Констанции II (337—361) в ее внутреннем нарфике первой св. Софией. Путем раскопок, произведенных Рамазаноглу при помощи ряда подземных туннелей, ему удалось добыть некоторое количество мелких архитектурных деталей, кирпичей, с вытесненными на них надписями, фрагментов керамики, а также восстановить план расположения первой св. Софии. Сопоставив этот план и данные обмера с мозаичным изображением так называемого «храма Соломона» над императорскими воротами современного храма св. Софии, Рамазаноглу выдвинул предположение, что данная мозаика как раз является изображением той небольшой базилики эллинистического стиля, которая была построена Констанцием II и сгорела во время пожара 20 апреля 404 г.

Вместо нее в царствование императора Феодосия II была отстроена и торжественно освящена 8 октября 415 г. вторая св. София. Занимаемую

¹ В 1935 г. раскопки в районе св. София вел немецко-фашистский Археологический институт; в 1932—1938 гг. работу по расчистке мозаик музея св. Софии проводил Американский византийский институт.

² Muzaffer Ramazanoglu. *Sentiren ve Ayasofialar mansumesi*. Istanbul, 1946.

³ C. Gurlitt. *Die Baukunst Konstantinopels*. Berlin, 1912.

⁴ A. M. Schneider. *Die Grabung im Westhof der Sophienkirche zu Istanbul* Berlin, 1941.

ею площадь Рамазаноглу определяет следующим образом. Ее главный неф был расположен в «Саду визиря» («*Veziir Bahçesi*»), между современным зданием св. Софии и имаретом¹ султана Селима II. Правый неф находился на месте левого нефа св. Софии, а левый неф располагался под позже построенным зданием имарета Селима II. В центральном нефе этой второй св. Софии Рамазаноглу раскопал колумбарий с 28 нишами и мраморный пол базилики. Эта базилика также стала жертвой пламени в 532 г., во время восстания «Ника».

Подводя итоги проделанным изысканиям, Рамазаноглу приходит к выводу, что построенное при Юстиниане и сохранившееся до наших дней здание св. Софии органически включило в себя остатки обеих предшествующих базилик; тем самым он отвергает господствующее в настоящее время представление о том, что современное здание церкви св. Софии является гармоническим целым, созданным византийскими зодчими на совершенно голом пространстве.

Вряд ли выводы Рамазаноглу могут считаться точными и бесспорными, тем более что и сам он расценивает их как предварительные. При этом необходимо учитывать также небольшой масштаб проведенных работ, примитивность их техники и политическое лицо Рамазаноглу, который является типичным пантюркистом-реакционером. С особенной осторожностью, в частности, следует воспринимать тот «скептицизм» автора, с каким он подходит к оценке исторического и художественного значения св. Софии для византийского искусства, ибо сквозь этот шитый белыми нитками «скептицизм» весьма отчетливо проглядывает пантюркистская точка зрения, согласно которой византийское искусство было «варварским», «компилятивным» и «отсталым», а потому и «лишенным ценности».

С нашей точки зрения, выводы Рамазаноглу интересны главным образом тем, что они показывают, насколько еще недостаточно изучены даже такие крупнейшие памятники византийского зодчества, как церкви св. Софии и св. Ирины в Стамбуле.

Раскопки внутри собора св. Софии и на примыкающих к нему участках продолжаются и в настоящее время. В самом соборе пол разобран в некоторых местах и под ним обнаружены арочные своды и галереи. Заложены траншеи и в непосредственной близости от стен церкви св. Ирины. Но ведутся эти работы крайне медленными темпами, примитивно и в таких масштабах, которые не обещают достижения существенных результатов в ближайшем будущем.

В этой связи небезинтересно свидетельство самого Рамазаноглу о тех условиях, в которых проводились осуществленные им раскопки в церквях св. Ирины и св. Софии. «Мои изыскания, — пишет он, — были очень трудны и опасны: те же трудности и опасности еще продолжают существовать, и эти трудности не легко будет устранить до тех пор, пока я буду продолжать работать с крайне ограниченным персоналом и на средства, взятые из моего собственного, весьма скромного бюджета»².

Если сам директор музея св. Софии вынужден жаловаться на недостаток средств, легко себе представить, в каких условиях работают рядовые византинисты в современной Турции.

Церковь св. Ирины, которая еще недавно использовалась для размещения в ней оружейного музея, в настоящее время пришла в ветхое

¹ Имарет — богадельня, странноприимный дом.

² M. Ramazanoglu, Op. cit., p. 2 (texte français).

состояние, экспозиция музея свернута, а сама церковь закрыта для посетителей.

Церковь св. Софии поддерживается в относительном порядке. Хотя ее внешний облик значительно проигрывает благодаря нагромождению позднейших пристроек и уродливых контрфорсов, внутри она попрежнему поражает монументальностью своих форм, грандиозными размерами архитектурных деталей и ни с чем не сравнимой игрой красок на орнаментальных, ковровых и антропоморфических мозаиках различных стилей и эпох. Для обозрения открыта лишь нижняя часть церкви, тогда как хоры закрыты для публики. Никаких следов, которые бы свидетельствовали о проведении работ по реставрации древней византийской мозаичной и фресковой живописи, не заметно.

Соображения международного престижа заставляют турецкие власти хоть как-то поддерживать такой величайший памятник, каким является собор св. Софии. К этому примешиваются и вполне реальные материальные расчеты, ибо св. София является одной из главных приманок для иностранных туристов, а обанкротившиеся на «американской помощи» турецкие правители возлагают свои последние надежды на доходы от туризма.

Совсем иначе они обращаются с другими памятниками византийского зодчества, которые не пользуются такой широкой известностью. В этом отношении весьма показательны те события, которые развернулись в связи с раскопками на строительной площадке «дома юстиции», примыкающей с северо-запада к площади Ат Мейдан.

Еще перед началом работ несколько турецких ученых-византинистов и даже дирекция музея св. Софии выступили в прессе и перед соответствующими ведомствами с официальными протестами против планов строительства здания «дома юстиции» на этой территории, так как она находится в непосредственной близости к древнему византийскому Ипподрому и является одним из важнейших и совершенно не исследованных археологами районов Стамбула. Однако против них была выпущена группа пантюркистов, поднявших крик об оскорблении «тюркизма». Тем временем расчистка строительной площадки началась. С первых же ударов лопат стали обнаруживаться ценные фрагменты древних построек, которые уничтожались без какого-либо научного исследования. Начались новые протесты.

Дело дошло до меджлиса. Работы неоднократно прерывались и вновь возобновлялись. Тем временем были проведены кое-какие исследования и раскопки.

Так продолжалось вплоть до 1951 г., когда в Стамбуле должен был состояться XXII Международный конгресс востоковедов. Понимая, что дело может принять неприятный оборот и неблагоприятно повлиять на международное общественное мнение, турецкие власти решили замести следы. Незадолго до созыва конгресса открытые уже благодаря раскопкам фрагменты стен, скульптурные и архитектурные детали были скрыты, в беспорядке свалены на грузовики и свезены, — по официальному данным, в музейные хранилища, а по сообщениям некоторых газет, — просто на свалку. Но маневр был слишком груб. На состоявшемся в сентябре 1951 г. Международном конгрессе востоковедов иностранные ученые сделали официальные запросы о позиции турецких властей по отношению к раскопкам близ Ипподрома. К тому же вскоре в одном из открытых сводов был обнаружен провал, который вел в не известные доселе археологам подземные галереи. Два предприимчивых журналиста в погоне за сенсацией с карманными фонариками в руках наспех осмотрели эти галереи,

которые, по их словам, шли в разных направлениях — к подземным цистернам Иере-батан, Бин-бир-дерек и вплоть до Крытого базара (площадь Баязида). В тот же день обнаруженное отверстие было замуровано по приказанию полицейских властей «во избежание проникновения в подземные галереи уголовного элемента». Но вскоре газеты сообщили, что принято решение временно прекратить работы по рытью фундамента на строительной площадке «дома юстиции». Разумеется, это был маневр, рассчитанный на «успокоение умов», не больше.

Сами по себе эти факты настолько красноречивы, что не нуждаются в каких бы то ни было комментариях.

Огромный комплекс бывших резиденций византийских императоров (Большой дворец и примыкающие к нему Магнавра и Буколеон)¹, занимающий площадь до 400 тыс. кв. м, являет собою жалкие руины. Их серьезным археологическим обследованием никто в настоящее время не занимается. Остатки их стен разбираются на постройки заборов и хижин бедняками, которые селятся тут же посреди развалин в своих жалких хибарках. Местами в беспорядке валяются обломки мраморных колонн, причудливые мраморные капители византийской работы, обломки архитектурных деталей. Кое-где под толстым слоем песка можно обнаружить мозаичные полы замысловатого и четкого геометрического орнамента.

Византийские подземные цистерны, расположенные в районе Ипподрома, запущены и пришли в полную ветхость. Цистерна Филоксена («Бин-бир-дерек»), которая уже давно пересохла и использовалась в качестве помещения для канатной фабрики и складов, в настоящее время закрыта, так как грозит обвалом. Под угрозой находятся и все жилые кварталы, расположенные над ней и в непосредственной близости от нее. Небольшая цистерна неподалеку от мечети султана Ахмеда², выходящая на поверхность земли, залита подпочвенными водами, завалена гниющими отбросами и распространяет зловоние. Исключение представляет цистерна Юстиниана («Иере-батан»). Она по сей день находится в хорошем состоянии и наполнена кристальной чистоты водой, сквозь которую, несмотря на большую глубину, различается каждая песчинка на дне. Это грандиозное сооружение занимает площадь около 7 тыс. кв. м, а его круглые сводчатые перекрытия поддерживаются 336 колоннами высотой в 13 м 50 см.

Древняя византийская церковь свв. Сергия и Вакха, расположенная к юго-западу от площади Ат Мейдан, является одним из интереснейших памятников византийского зодчества. Построенная в царствование Юстиниана по эллипсообразному плану с нарфиком и абсидой, всем своим устройством она в миниатюре очень напоминает собор св. Софии, вследствие чего и получила название Кючук Айя София, т. е. Малая св. София. После превращения церкви в царствование Баязида II в мечеть внутренние стены ее были покрыты штукатуркой, под которой оказалось скрытым все их убранство. Лишь мраморные колонны различных оттенков, изящная виноградная гирлянда, идущая вдоль карниза и очищенные от прикрывающего их толстого слоя штукатурки некоторые капители колонн, отделанные тончайшей ажурной резьбой, свидетельствуют о прошлом великолепии внутреннего убранства церкви.

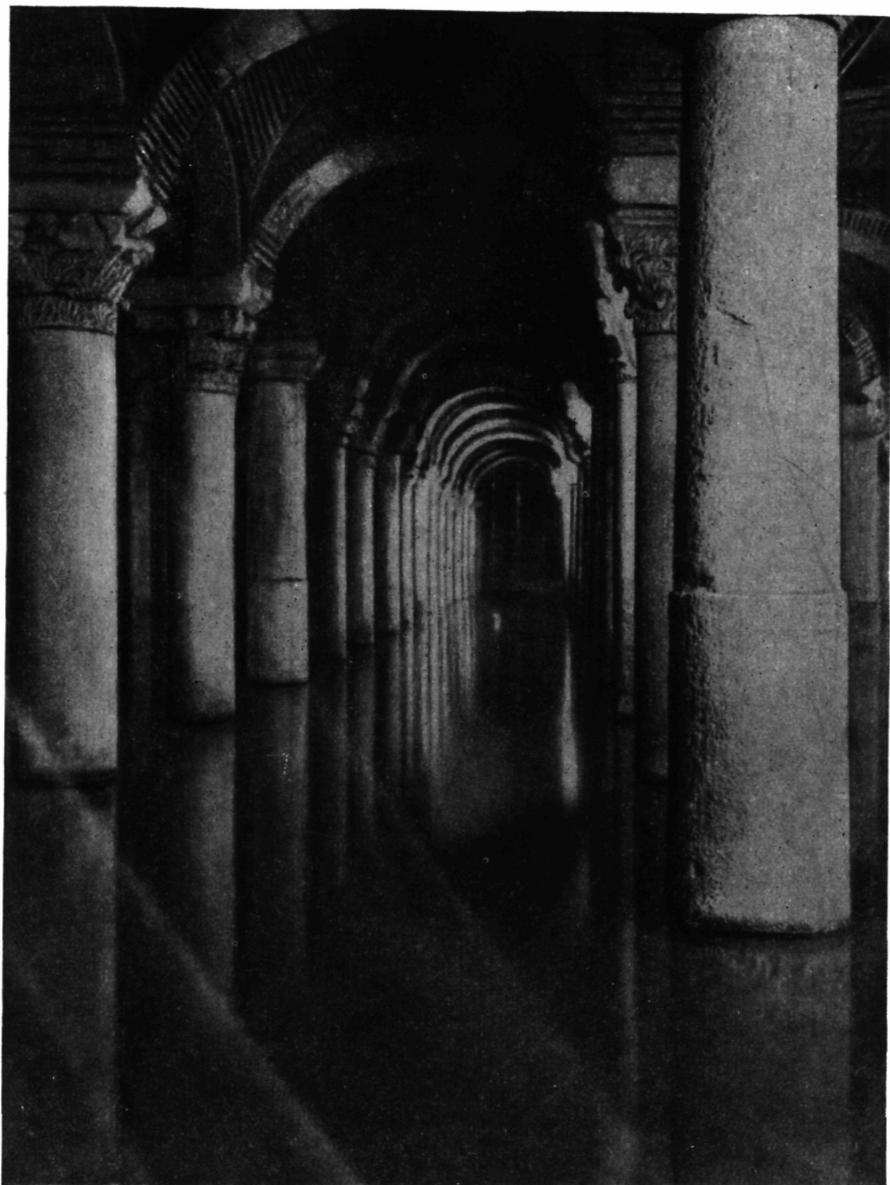
Эта древняя византийская церковь сохранилась в хорошем состоянии, так как расположена в «доходном» приходе и используется в настоящее время в качестве мечети.

¹ См. детальное его описание в работе J. Labarte. Le palais impérial de Constantinople. Paris, 1861.

² E. Mamboury, Th. Wiegand. Op. cit., S. 48—49.

Церковь св. Софии (Айя-София).

Внутренний вид подземной цистерны Юстиниана (Иере-Батан).

Вторым по своему археологическому значению районом является территория бывшего императорского Влахернского дворца. Этот огромный дворцовый ансамбль, включавший в себя ряд отдельных дворцовых построек, культовых зданий, садов и дворов, занимал огромную площадь свыше 300 тыс. кв. м. С 1143 г. он был превращен в официальную резиденцию византийских царей, покинувших Большой императорский дворец, который стал слишком беспокойным местопребыванием из-за своей близости к мятежному Ипподрому.

В настоящее время от этих построек сохранились лишь немногочисленные остатки стен и арок, теряющиеся среди жилых домов или ставшие их органическими составными частями. Археологически этот район изучен недостаточно, вследствие чего в существующей литературе до сего времени имеются разногласия относительно архитектурного плана Влахернского дворца. В частности, остается спорным вопрос о том, является ли расположенный около ворот Керкопорт Текфур Серай дворцом Константина Порфирородного или же он представляет собою одну из составных частей Влахернского дворцового комплекса, как считает К. Гурлитт¹.

В отличие от совершенно исчезнувшего с лица земли Влахернского дворца, Текфур Серай еще сохраняет свои основные архитектурные очертания. Это — высокое, с прямоугольным планом здание в три этажа. Вписанное органически в главный пояс крепостных укреплений, оно и сейчас еще привлекает внимание великолепными инкрустациями, которыми выложены наружные стены дворца. Сложные геометрические узоры выложены красным кирпичом, который перемежается с мраморными плитками. Арки сводов и окон, а также мощные наружные карнизы здания обрамлены изящно профилированными монолитными плитами, вытесанными из мрамора различных светлых оттенков. На одной из стен дворца сохранились еще остатки балкона, связанного со зданием системой круглых арочных перекрытий, а на южной, торцовой части сохранились толстые мраморные балки, служившие, видимо, опорой для расположенной на них деревянной террасы².

Стены дворца как с внутренней, так и с внешней стороны несут на себе значительные следы многочисленных позднейших переделок, так что, пожалуй, даже специалистам трудно восстановить первоначальную внутреннюю планировку дворца. Все внутренние перекрытия в его центральной части давно уже обрушились, однако некоторые сводчатые перекрытия в том крыле дворца, которое смыкается с крепостной стеной, сохранились. Пробираясь по развалинам внутренней части стены, в эти перекрытия можно проникнуть без особого труда, и отсюда, из узких прорезов окон, открывается прекрасный вид на укрепления Влахернского дворца, исключительно эффектные даже и сейчас.

Чего, однако, совершенно не заметно в этом интереснейшем для археологов районе — это следов работ по его изучению.

Сравнительно недалеко от Текфур Серая расположены две древние византийские церкви, Спасителя на Хоре и Паммакарistos, являющиеся одними из самых замечательных памятников византийского зодчества и изобразительного искусства.

Церковь Паммакарistos (Фетхиэ-джами) была частью женского монастыря. Постройка ее относится к концу XIII—началу XIV в., т. е. к тому времени, который в истории византийского искусства условно именуется периодом Возрождения. Архитектура этого периода характеризуется

¹ С. Gurlitt. Op. cit., S. 7.

² Там же, s. 9.

значительным вниманием, уделявшимся наружной отделке и украшению церковных построек, в то время как в более ранние периоды главное внимание сосредоточивалось преимущественно на внутренней отделке зданий.

Вместе с тем, видоизменяются сами детали архитектурных украшений.

В этом отношении церковь Паммакарistos представляет собою, пожалуй, из всех сохранившихся построек, наиболее яркий образец того изящного и импозантного архитектурного стиля, который вырабатывается в Византии, и в частности в Константинополе, в XIII—XIV вв.¹

Церковь Паммакарistos представляет собою соединение двух церквей². Одну из них — юго-восточную церковь, маленькую и более изящную, — К. Гурлитт датирует царствованием Михаила VII Дуки (1071—1078)³; вторая была построена в конце XIII—начале XIV в. Несмотря на некоторое различие деталей наружной отделки, стиль обеих этих церквей был унифицирован при перестройке, и в общем постройка выглядит как единый ансамбль.

Гармоничные, пропорциональные и логически завершенные общие контуры здания, изящные, пластичные линии карнизов заметно отличают церковь Паммакарistos от других византийских храмовых построек Стамбула. Это впечатление еще более усиливается благодаря своеобразию деталей внешнего архитектурного украшения. Легкое, рельефное каменное кружево карнизов мягко, но в то же время четко расчленяет фасад по горизонтали. Смелые изгибы легких аркад и ниш, чередующихся с рельефными пилястрами и полуколоннами, часть которых выложена из белого мрамора (юго-восточная церковь), устраняют унылое однообразие плоскостей стен⁴. Поддерживающие купола барабаны — с их высокими оконными нишами, узкими простенками, украшенными полуколоннами и красивой волнистой линией арочного карниза, производят впечатление изящных беседок, венчающих это легкое, устремленное вверх здание. То же стремление в высоту присуще и интерьеру церкви.

После превращения в конце XVI в. в мечеть церковь Паммакарistos подверглась переделкам. В частности к ней были присоединены аляповатый приземистый минарет и тяжелая, уродливая пристройка у восточной стены, грубо противоречащая общему архитектурному облику церкви.

В настоящее время мечеть не функционирует, и здание церкви находится в весьма запущенном состоянии. Пол разобран, крыша протекает. Стекла окон выбиты, повсюду толстый слой голубиного помета. Тем большее впечатление на фоне этого запустения и упадка производит замечательная мозаика в одном из куполов, изображающая Христа и двенадцать апостолов. Эта мозаика, датируемая первой половиной XIV в.⁵, представляет собою один из шедевров мозаичной живописи периода византийского «Возрождения». Тематический план этой мозаики ограничивал изобразительные приемы художника. Однако глубоко человеческое выражение лица Христа, оригинальные и разнообразные в своем портретном изображении лица каждого из апостолов, смелые, полные выразительности ракурсы, в которых взяты их фигуры, — все это резко отличает мозаику церкви Паммакарistos от застывшей, линейно-стилизованной мозаики XI—XII вв.

¹ Переходным к ней типом является Киалисе джами, описание которой см. в работе G. Millet. *L'école grécque dans l'architecture byzantine*. Paris, 1916, p. 147—148, 186.

² Ch. Diehl. *Manuel de l'art byzantin*, t. II, Paris, 1925, p. 754.

³ C. Gurlitt. *Op. cit.*, S. 34.

⁴ В частности в юго-восточной церкви очень отчетливо прослеживается та система карликовых ниш и абсид, которые Н. И. Брунов считает одной из характерных черт византийской храмовой архитектуры XI—XII вв. См. Н. И. Брунов. *Архитектура Константинополя IX—XII вв.*, т. II, 1949, стр. 202.

⁵ См. В. Н. Лазарев. *История византийской живописи*, т. I, М., 1947, стр. 217.

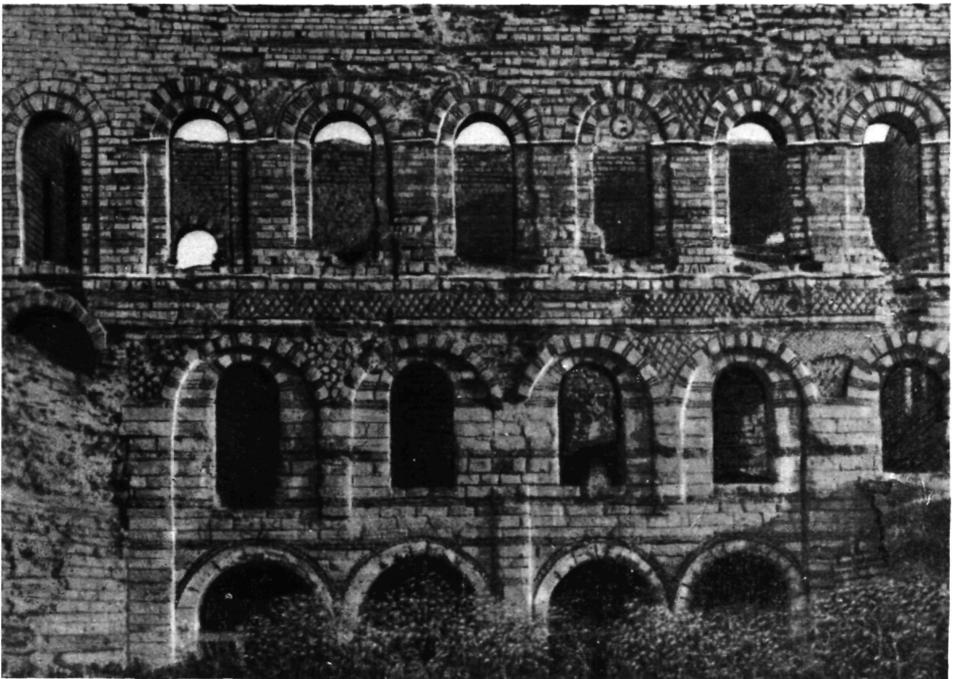
Общий вид церкви Паммакарistos (Фетхиэ-джами). Слева — юго-восточная церковь. Минарет и пристройка в центре — позднейшего турецкого происхождения.

Церковь Паммакарistos. Вид сбоку.

Мозаика церкви Спасителя на Хоре (Кахриэ-джами), изображающая волхов перед Иродом.

Восточная стена т. н. дворца Константина Порфирородного (Текфур Сарай).

и ставит первую в ряд тех замечательных и уникальных по своей художественной ценности мозаик, которые сохранились в храме Спасителя на Хоре (Кахриэ джами).

По своей архитектуре храм Спасителя на Хоре, является, по характеристике Н. И. Брунова¹, одним из наиболее ярких образцов того стиля, который получил условное название палеологовского «Возрождения». План церкви лишен строгой симметрии, свойственной пятинефному крестовкупольному храму предшествующего периода. Все ее пространство разделено на отдельные, небольшие по размеру камеры, вследствие чего зритель лишен возможности охватить одним взглядом все помещение церкви в целом.

Будучи одной из древнейших храмовых построек Константинополя, она неоднократно разрушалась и восстанавливалась вновь. В начале XIV в. она была реконструирована и заново роскошно отделана по приказу великого логофета Федора Метохита. В этом виде, с известными переделками, она сохранилась до настоящего времени.

Когда в XVI в. храм Спасителя на Хоре был превращен в мечеть, замечательная фресковая роспись и изумительные по своей красоте мозаики обоев нарфиков и галереи, в соответствии с доктринами ислама, были частично уничтожены, а в большей своей части замазаны толстым слоем штукатурки или заложены мраморными плитами.

В 60-х годах XIX в. была произведена расчистка правого придела и обоев нарфиков. Как выяснилось, фресковая роспись правого придела была безнадежно испорчена, от нее остались лишь мелкие фрагменты. Мозаики сохранились значительно лучше и представляют выдающуюся ценность.

По изобразительным приемам мозаики храма Спасителя на Хоре занимают особое место в истории византийской живописи². Они были созданы в самом начале XIV в., когда во всем своем блеске развернулся тот стиль в области изобразительного искусства, который получил условное название византийского или палеологовского «Возрождения». При всем его принципиальном отличии от итальянского ренессанса, при всей его связанности с реакционной христианской идеологией и техническими приемами предшествующих эпох, так называемое византийское «Возрождение» оставило замечательные, единственные в своем роде произведения искусства.

Панорама, образуемая совокупностью мозаик храма Спасителя на Хоре, объединенная общим тематическим планом и единым художественным замыслом, представляет собою серию сцен из евангельской мифологии. Однако религиозная канва сюжета часто служит художнику лишь предлогом для изображения замечательных по своей безыскусственной простоте жанровых бытовых сценок.

Отличительной чертой этих мозаик является то, что доминирующее положение в них принадлежит не огромным, неподвижным, проникнутым мистицизмом ликам и фигурам святых, а пестрой, полной движения, экспрессии, ярких и сочных красок массе человеческих фигур, которые буквально живут под живописными сводами нарфиков. Во всех направлениях, искусно расположенные в глубину, движутся люди, скачут вздыбленные кони, развеваются пышные одежды всадников, под которыми ощущаются напряженные мышцы человеческого тела, — все полно движения, выразительности и жизни. И только здесь, сравнивая слепые, бесцветные

¹ Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. II, М.—Л., 1935, стр. 530.

² См. подробнее описание мозаик храма Спасителя на Хоре в указанной работе В. Н. Лазарева (гл. IX).

фотографии этих мозаик с оригиналами, расцвеченными поразительной по силе воздействия гаммой самых ярких, сочных и одновременно гармонических цветовых сочетаний, понимаешь, какими удивительными мастерами красок были византийские художники XIV в., и какую роль вообще играли колористические моменты в византийском изобразительном искусстве. Однако и здесь разрушение наложило свою мрачную печать — многие мозаики обезображены большими белыми пятнами или сохранились лишь в фрагментах.

Здание церкви Спасителя на Хоре находится в хорошем состоянии. Оно находится в ведении дирекции музея св. Софии, но осмотр его допускается лишь по специальному разрешению, так как в настоящее время в сводах и нишах внешнего и внутреннего нарфиков производятся работы по расчистке и реставрации мозаик.

В третьем районе, расположенном между акведуком императора Валента и Золотым Рогом, к северо-востоку от бульвара Ататюрка, наибольший интерес представляют три памятника: сам акведук императора Валента с примыкающими к нему остатками древневизантийских стен, храм Пантократора (Зейрек Килисе джами), древняя базилика св. Феодосии (Гюль джами) и др. храмовые постройки.

Акведук императора Валента, построенный во второй половине IV в., является замечательным по своей прочности и расчету инженерно-архитектурным сооружением. Насчитывающий уже свыше полутора тысяч лет своего существования, он и по сей день высится огромной и в то же время легкой двухъярусной дугой, растянувшейся на расстояние в 625 м и в своей наивысшей точке имеющей около 25 м высоты¹. В сочетании с расположенными близ него вдоль бульвара Ататюрка остатками древних византийских стен, по террасам которых карабкаются вверх жилые постройки, акведук образует любопытный уголок современного Стамбула.

Между акведуком Валента и Золотым Рогом расположена одна из интересных храмовых построек XII в. — церковь Пантократора (Зейрек Килисе джами). Постройка ее была осуществлена в XII в., и церковь служила усыпальницей нескольких представителей династии Комнинов. Архитектурный план и очертания этой церкви оригинальны. По существу, это три церкви с многими куполами, объединенные воедино. Внешние линии здания довольно четко намечены посредством изогнутых фронтонов, соответствующих внутренним сводам ниш. Внутри этот храмовый комплекс разделен множеством квадратных в плане колонн², которые несут на себе легкие, по своей конфигурации, арочные перекрытия.

Являясь в настоящее время действующей мечетью, расположенной в нищем рабочем районе, церковь Пантократора находится в очень плохом состоянии. Стекла и рамы в подкупольных барабанах выбиты, и через них свободно проникают ветер и дождь. Крыша пришла в полную ветхость, штукатурка местами осыпалась. Мусульманская служба происходит лишь в южной части церкви. Вся ее северная часть, большая по размерам и, пожалуй, наиболее интересная по своей архитектуре, заброшена и, по видимому, уже очень давно, так как пол ее покрыт неподреженным ногой человека слоем голубиного помета, достигающим нескольких сантиметров толщины. Находящаяся перед входом в церковь большая каменная гробница, на которой высечены изображения византийского креста, превращена в выгребную яму и наполнена нечистотами.

¹ С. Gurlitt. Op. cit., S. 13.

² По мнению К. Гурлитта, эти квадратные колонны — плод позднейших перестроек, которые он датирует XVIII веком. См. С. Gurlitt. Op. cit., S. 33—34.

Очень интересна церковь св. Феодосии (Гюль джами). Датировка ее спорна, и сама постройка за время своего существования подвергалась серьезным переделкам. Центральная абсида восточной стены и западная стена — явно новейшего происхождения. Северная и южная стены более древнего происхождения, с характерными, впрочем, довольно плохо сохранившимися, портиками эллинистического типа, а также общий план церкви, типичный для базилики, дают основание причислять ее к весьма старинным постройкам. Ш. Диль датирует ее X—XI вв. и считает переходным типом от классической римской базилики к базилике однокупольной. Боковые же абсиды церкви с тремя поясами декоративных ниш он относит ко времени Комнинов¹.

Внешний архитектурный облик здания сильно страдает не только от этого смещения стилей, но и вследствие множества вновь пробитых оконных проемов, которые не сочетаются с первоначальным планом и требованиями симметрии. Церковь является ныне действующей мечетью, но принадлежит к числу бедных приходов и очень запущена. Внутренность церкви выглядит крайне убого и так же, как интерьер церкви Пантократора, обезображена уродливыми дощатыми антресолями, устроенными в верхней части нарфика, на которых живет семья муэдзина.

Известный интерес, с точки зрения истории византийской архитектуры, имеет район, где расположен Семибашенный замок (Иеди-куле). Здесь первоначально находилась византийская крепость Пентапиргон (Пятибашенная крепость), к которой в царствование императора Иоанна VI Кантакузина было пристроено еще две башни. Ко времени турецкого завоевания крепость находилась уже в разрушенном состоянии и была заново остроена Мехмедом II по аналогичному плану.

Наиболее интересной частью самой крепости Иеди-куле является центральный ансамбль, представляющий собою две гигантские квадратные монументальные башни, сложенные из огромных монолитных плит белого мрамора, между которыми находятся знаменитые Золотые ворота. Построенные при императоре Феодосии I в честь его победы над Максимом (388—391 гг.), они стали затем триумфальными воротами, через которые победоносные императоры вступали в город. Впоследствии Золотые ворота были значительно перестроены и вошли органической составной частью в укрепления Семибашенного замка. В настоящее время они сильно обветшали даже по сравнению с тем, как они выглядят на снимках начала XX в. Мраморные карнизы и капители колонн тонкой работы потрескались, так же как и сами колонны, которые обтянуты несколькими железными обручами. Обветшала и несомая ими круто изогнутая арка, которая поддерживается уже не столько колоннами, сколько системой металлических тяг и распоров, установленных в недавнее время. Ворота эти по сей день остаются запертыми, чтобы никто не мог пройти через них, так как, согласно мусульманскому поверию, в них может пройти новый завоеватель Константинополя.

¹ Ch. Diehl. Op. cit., t. I, p. 434, 461. К. Гурлитт вообще воздерживается от датировки церкви св. Феодосии, указывая на чрезвычайно пестрое смещение стилей отдельных ее частей. Опираясь на свидетельство Лориха о том, что эта церковь еще в 1550 г. имела плоскую крышу и была лишена купола, К. Гурлитт относит возведение последнего, так же как центральной абсиды и западной стены церкви, к XVIII в., когда Селим III превратил эту церковь в мечеть (см. С. Gurlitt. Op. cit., s. 41). Заметим от себя, что обе эти версии могут быть приняты лишь как гипотетические; подобные бесплодные споры будут продолжаться до тех пор, пока основанные на беглом осмотре византийских памятников заключения даже самых авторитетных специалистов не будут фундаментальными и квалифицированным археологическим исследованием. См. также G. Millet. Op. cit., p. 96.

Мощные стены Семибашенного замка сохранились по настоящее время, и хотя повсеместно на них можно видеть печать разрушения, они выглядят весьма внушительно. Поднявшись по каменной лестнице, имеющейся с внутренней стороны стен, по ним можно обойти вокруг всей крепости и полюбоваться замечательными видами, открывающимися на Мраморное море и окрестности Стамбула.

Из башен замка лучше всего сохранились две задние круглые угловые башни и левая башня Золотых ворот¹. Эта башня в османский период была превращена султанами в страшную темницу. В боковых ходах башни расположен ряд изолированных камер различного размера, которые служили местом заточения противников султанского режима, послов иностранных государств, с которыми Порты вступала во враждебные отношения, а порой и султанов, ставших жертвами дворцовых заговоров.

Вся центральная часть башни занята огромной камерой, разгороженной на большое число деревянных клеток, которые идут несколькими ярусами. Здесь находился каземат пыток и казней. В башне царил вечный полумрак, так как она была лишена окон. Дневной свет едва брезжил сквозь небольшое отверстие в верхнем перекрытии башни, сквозь которое в камеру проникал воздух.

Правая круглая угловая башня (задняя) также находится в относительной сохранности. По ее внутренним лестницам можно подняться почти до самого верха, но все внутренние перекрытия в ней так же, как и в остальных башнях, давно провалились. Цокольная часть этой башни с внутренней стороны представляет собою весьма любопытное явление. Значительная часть ее выложена мраморными и известняковыми плитами, на которых бывшие узники Семибашенного замка, преимущественно европейцы, высекли свои имена, титулы и даты заточения. В центре двора сохранились развалины источника и подземных цистерн-водохранилищ.

Сейчас Семибашенный замок является общедоступным музеем, но, как и все музеи современной Турции, обслуживается исключительно невежественными гидами и находится в весьма запущенном состоянии, медленно, но верно превращаясь в развалины.

Хотя Семибашенный замок и отстроен заново уже в османский период, он по существу является памятником византийского фортификационно-архитектурного искусства, во всех канонах подражает византийским образцам и по своему архитектурному облику прекрасно вписан в тот величественный и уникальный ансамбль, который представляют собою остатки древних византийских стен Стамбула.

Как известно, постройка крепостных стен Константинополя относится к V в., после чего они неоднократно расширялись и реконструировались, но их общая конфигурация оставалась в основном такой, какой она сложилась в VII в.

Общая протяженность стен Константинополя составляет около 16 км. Из них примерно половина — сухопутные, а другая половина — прибрежные, тянувшиеся вдоль побережья Золотого Рога и Мраморного моря.

От прибрежных стен в настоящее время не сохранилось почти ничего; их остатки вдоль прибрежных улиц Золотого Рога застроены лепящимися к ним жилыми и другими постройками. На побережье Мраморного моря стены местами совершенно срыты, местами выступают на поверхность,

¹ К. Гурлитт приводит в своей работе весьма обстоятельное, основанное на научном археологическом исследовании, описание Золотых ворот и реконструкцию их первоначального вида. См. С. Gurlitt. *Op. cit.*, s. 1. См. также R. Janin. *Op. cit.*, p. 253—254.

в частности между Старым султанским дворцом (Топ Капу Серай) и древней византийской церковью свв. Сергия и Вакха (Кючук Айя София). Частью их является хорошо сохранившаяся Мраморная башня (Мермер кулеси), расположенная в пункте соединения сухопутных стен с прибрежными стенами Пропонтиды.

Сухопутные стены, наоборот, сохранились почти на всем своем протяжении от побережья Мраморного моря до побережья Золотого Рога, однако и они находятся в своей значительной части уже в полуразрушенном состоянии. Тем не менее можно различить конфигурацию широкого и глубокого рва и трех рядов зубчатых крепостных стен. Со стороны Мраморного моря до ворот Пиги (Силиври капу), а со стороны Золотого Рога до Влахернского двора ров заполнялся морской водой, поступавшей в него самотеком. Остальной участок заполнялся дождевыми водами и искусственным путем, а уровень воды в нем сохранялся посредством специальных плотин. Конфигурация рва почти на всем протяжении сохранилась и сейчас, хотя он уже заполнен на значительную глубину позднейшими наслоениями почвы и щебнем от разрушающихся стен. Что же касается плотин, то остатки их можно обнаружить лишь при очень внимательном осмотре.

На всем протяжении стены были защищены башнями, число которых достигало 400. Характерно то обстоятельство, что среди них нет двух похожих одна на другую. Хотя каждая из башен и согласуется по своим основным архитектурным формам с общим стилем крепостных стен, но отличается одновременно и значительными чертами своеобразия¹.

Лучше всего сохранился тот участок сухопутных стен, который прикрывал бывшую императорскую резиденцию — Влахерны. Здесь мощные укрепления шли в четыре ряда и отличались особой прочностью. Главная, внутренняя стена достигала вышины 20 м, а толщина ее составляла около 4 м. Все это крепостное сооружение было укреплено 120 башнями различной конфигурации и вышины. Хорошо сохранились и производят особенно сильное впечатление две башни — башня Исаака Ангела, построенная в 1188 г., и башня Анемы. Под последней находилась большая подземная византийская тюрьма, остатки которой были обнаружены во второй половине прошлого столетия греческим археологом А. Паспатисом.

Древние византийские стены Стамбула, благодаря своей живописности и обилию связанных с ними легенд и действительных исторических событий, свидетелями которых они являлись на протяжении более тысячи лет, привлекают к себе не меньшее внимание историков-византинистов и иностранных туристов, чем св. София и площадь Ипподрома, и до сих пор являются одним из наиболее посещаемых теми и другими местом. Но если их разрушение будет продолжаться столь же быстро, как оно идет сейчас, то не за горами время, когда здесь уже будет нечего смотреть, кроме беспорядочного нагромождения руин и обломков.

В Новом городе, который именуется также Бей Оглу, за исключением Галатской башни, не сохранилось никаких памятников византийской архитектуры. Сама эта башня, подвергавшаяся многим перестройкам, утратила

¹ Существует предание, что каждый начальник гарнизона такой башни отстраивал ее сам, стремясь при этом создать что-то оригинальное. Насколько это предание согласуется с истиной, сказать трудно, ибо, во-первых, башни строились и реконструировались на протяжении целого тысячелетия, что не могло не наложить своего отпечатка на их архитектуру; во-вторых, аналогичное явление можно отметить и относительно других крепостных сооружений, в частности московского Кремля, башни которого также весьма разнообразны по своим архитектурным очертаниям, что имеет свое историческое и эстетическое объяснение.

свои первоначальные архитектурные контуры и не может уже считаться подлинным образчиком византийского зодчества. Несомненно, однако, что под землей похоронены ингереснейшие памятники византийского строительного искусства, ибо с древнейших времен район Галаты был застроен густонаселенными торгово-ремесленными кварталами¹. Резко пересеченный рельеф местности и террасный метод застройки крутых склонов холмов способствовали тому, что новейшие постройки возводились порой прямо на стенах древних зданий, что избавляло строителей от подведения солидного фундамента. Что дело обстояло именно так, подтверждается одним любопытным фактом, имевшим место в 1951 г.

При сносе одного из пришедших в ветхость домов на центральной улице Бей Оглу — Истикляль-джаддеси, в районе, именуемом Тюнелбаши, обнаружилось, что у этого здания фактически не было фундамента, так как оно было построено прямо на верхних перекрытиях одного из древних зданий, оказавшегося целиком под землей после нивелировки улицы. И никому не известно, сколько еще таких древних построек похоронено в холмах и на крутых террасах Нового города.

* * *

Как видно из настоящего беглого и не претендующего на всесторонний охват затронутых вопросов очерка современного состояния памятников византийского зодчества в Стамбуле, в этом городе сосредоточены огромные сокровища, степень сохранности и изученности которых находится в полном противоречии с их обилием, с их художественной и исторической ценностью. Даже наиболее выдающиеся из этих памятников, такие, как церкви св. Софии, св. Ирины, св. Феодосии, Пантократора, как Большой императорский дворец, Влахерская императорская резиденция, дворец Константина Порфирородного, исследованы весьма поверхностно, и до настоящего времени не существует солидно обоснованных, бесспорных научных выводов и точек зрения относительно их датировки, планов и судеб. Наоборот, в буржуазной литературе имеет хождение большое число ошибочных и малоубедительных теорий, основывающихся на априорных заключениях или поверхностных наблюдениях.

Подобное положение, помимо прочих привходящих обстоятельств, помимо присущей буржуазной историографии предвзятых классовых или просто фальсификаторских приемов исследования, имеет своей главной причиной то, что памятники византийского зодчества в Стамбуле не подверглись еще достаточно обстоятельному и квалифицированному научному и археологическому обследованию, на что мы уже указывали в начале настоящего очерка. В период султанского деспотизма этому мешали мусульманский фанатизм в сочетании с политическим изоляционизмом реакционной правящей феодальной верхушки Турции. В настоящее время этому мешают реакционные правящие круги современной Турции, продавшие турецкий народ иноземным империалистам. Они повседневно отвращают их сознание пропагандой человеконенавистничества и расизма, внешне порой прикрытого налетом космополитизма, который усиленно насаждается за последнее время в Турции по указке иноземных колонизаторов. При этих условиях, естественно, не может быть и речи о развитии подлинно научного византиноведения в современной Турции.

¹ См. J. Ebersolt. Op. cit., p. 13—16.